

ствами в XII в., а П. Брецци — на взаимоотношениях Республики св. Марка с Германской империей и в первую очередь на венецианском мирном договоре 1177 г. Статья Дж. Фазоли «*Comune Venezianum*» характеризует специфические черты венецианского социального и политического строя, А. Пертузи рассматривает жизнь и творчество Мартина да Каналь, венецианского историка XIII в., писавшего, в частности, о падении Константинополя, а С. Беттини исследует важнейшие памятники венецианского искусства, созданные в эпоху крестовых походов.

Следующая книга — о венецианском обществе «эпохи Марко Поло»⁴, т. е. XIII в. Две из статей этого сборника рассматривают проблемы венецианской торговли: автор одной из них, Р. С. Лопес, останавливается на основных направлениях венецианской торговой экспансии XIII — первой половины XIV в., а также на роли византийских традиций в венецианской экономике [«Венеция была не только дочерью Византии, но также сестрой Генуи и Пизы, Милана и Флоренции», — формулирует Лопес свою мысль о сочетании в Венеции «византийского консерватизма и итальянского новаторского индивидуализма» (стр. 40)]; в другой статье, принадлежащей И. Ренуару, идет речь о венецианском купечестве в конце XIII в. К ним в какой-то мере примыкает доклад Р. Баккелли о Марко Поло и средневековых географических представлениях. Две остальные статьи относятся к сфере литературы и искусства: А. Монтеверди читал доклад о языке и литературе в Венеции эпохи Марко Поло, О. Демус — о восточных и западных влияниях на венецианское искусство XIII столетия.

Пятый том обнимает тему «Венецианское общество XIV в.»⁵. В сборнике включены статья Дж. Луццатто об экономике и статья Дж. Вольпе об отношениях Венеции с остальной Италией. Другие доклады затрагивают более или менее общие проблемы истории духовной культуры. Х. Ортега и Гассет в своем докладе выходит, строго говоря, за рамки собственно венецианской тематики: он останавливается на средневековой концепции «нации». Три статьи относятся к сфере истории литературы: А. Вискарди — «Язык и литература», Дж. де Лука — «Религиозная литература» и П. О. Кристеллер — «Петрарка, гуманизм и схоластика в Венеции». Л. Колетти рассматривает венецианское изобразительное искусство этого времени. Наконец, сборник завершается справочной работой Р. Мороццо делла Рокка «Венецианская хронология XIV в.»

Столь же разнообразна тематика и следующего тома — «Венецианское общество XV в.»⁶. Здесь и работа Ф. Грирсона о роли венецианской монеты в экономике Средиземноморья XIV—XV вв., и важная для византиста статья Ф. Бабингера об участии Венеции в борьбе против турок в XV столетии. Н. Валери рассматривает сложную проблему об отношении Венеции к тому явлению, которое автор называет «итальянским кризисом эпохи Возрождения». Б. Нарди представил доклад о венецианской литературе и культуре XV в., Р. Паллуккини — о венецианском искусстве Кватроченто, а Г. Пьовени останавливается специально на элементах анахронистичного в искусстве венецианского Кватроченто. Как и предыдущий, этот том завершается справочной статьей по хронологии, написанной Р. Мороццо делла Рокка и М. Ф. Тьеполо и учитывающей некоторые события византийской истории.

Остальные пять томов⁷ уже выходят за пределы византиноведческой тематики.

А. К.

H. HUNGER. REICH DER NEUEN MITTE. DER CHRISTLICHE GEIST DER BYZANTINISCHEN KULTUR.

Graz, Wien, Köln, 1965, 472 S.+ 29 Taf.

Книга австрийского ученого Герберта Хунгера «Империя с новым центром» — отнюдь не первый опыт характеристики византийской цивилизации, и вместе с тем она коренным образом отличается от всех существующих очерков культуры Византийской империи, начиная от многолетнего справочника Ф. Кукулеса и вплоть до рецензируемой в этом же томе популярной книжки Тамары Толбот Райс (вышедшей, кстати сказать, на два года позднее работы Хунгера). Отличие заключается в том, что все остальные «византийские цивилизации» построены как суммы отдельных очерков (государство, церковь, ремесло, торговля, армия, деревня, школа, лите-

⁴ La civiltà veneziana del secolo di Marco Polo. Venezia, Sansoni, 1955, pp. 126.

⁵ La civiltà veneziana del Trecento. Venezia, Sansoni, 1956, pp. 263+28 tav.

⁶ La civiltà veneziana del Quattrocento. Venezia, Sansoni, 1957, pp. 241+22 tav.

⁷ La civiltà veneziana del Rinascimento. Venezia, Sansoni, 1958; La civiltà veneziana nell'età barocca. Venezia, Sansoni, 1959; La civiltà veneziana del Settecento. Venezia, Sansoni, 1960; La civiltà veneziana nell'età romantica. Venezia, Sansoni, 1961; Venezia nell'unità d'Italia. Venezia, Sansoni, 1962.

ратура, живопись, архитектура и т. п.), внутренне между собой не связанных,— Хунгер же впервые попытался представить византийскую культуру как целостное явление, как своего рода систему, пронизанную и объединенную общим принципом. Принцип этот, о чем я еще буду говорить,— идеалистический и для нашей исторической науки неприемлемый, но сама попытка осмыслить основные явления византийской общественной жизни в их взаимосвязи и целостности отвечает тенденциям развития современной исторической науки и чрезвычайно плодотворна. Те параллели и связи, которые устанавливает Хунгер, между развитием изобразительного искусства и литературы, например (как и в ряде других областей), безусловно заслуживают пристального внимания. Перед нами — книга, основанная на *новом* подходе к действительности, книга, вырабатывающая *новый* метод исследования.

Я уже сказал, что принцип, положенный Хунгером в основу построенной им модели византийской цивилизации,— идеалистический. Автор подчеркивает это обстоятельство уже в подзаголовке: «Христианский дух византийской культуры». Христианство выступает в книге и как стимул исторического развития (византийская история сужается таким образом до преодоления языческих пережитков)¹, и как принцип организации материала. Основные главы посвящены следующим темам: гл. II — «Императорская власть как подобие божественной» (стр. 61—107); гл. III — «Религия и церковь в центре византийской жизни» (стр. 109—228); гл. IV — «Монашество и аскетизм как творческие силы» (стр. 229—298); гл. V — «Наука и образование на пути к сближению языческого и христианского» (стр. 299—369).

К какому искажению перспективы приводит подобный принцип, показать трудно. Так, Хунгер детально анализирует судьбы рабства в Византийской империи, усматривая в эволюции этого института результат влияния религии и церкви (стр. 161—170). Само по себе положение Хунгера более чем спорно: смягчение форм рабства в средние века не ограничивалось, как известно, только христианским регионом и вызывалось скорее всего новыми социально-экономическими потребностями (сам Хунгер очень резонно связывает на стр. 170 изменение в положении рабов в XIII—XV вв. с феодальной перестройкой деревни); воздействие церкви на рабство было далеко не однозначным — и, кстати сказать, в рассматриваемом разделе автор обходит вопрос об антирабских постановлениях Гангрского собора, хотя он и говорит об этом соборе в другой связи (стр. 247—249). Но не стану здесь полемизировать с Хунгером по существу проблемы: сейчас мне важно другое. Податной системе — важнейшей форме эксплуатации народных масс в Византии — Хунгер уделяет лишь три страницы (стр. 170—173), вопреки тому, что налоговый гнет в империи играл неизмеримо большую роль, нежели обломки рабовладения. И это распределение материала понятно, ибо в податной системе никак не усмотреть проявление «христианского духа»! Как жаль, что в соответствующем месте Хунгер не привлек описание совсем не «христианских» методов взыскания недоимок, раскрытых писателем XII в. Музалоном.

И еще один аналогичный пример. О семье и ее развитии Хунгер говорит подробно (стр. 145—147, 151, 153 и сл.): в данной связи, действительно, удобно подчеркнуть упрочение брачных связей, запрещение конкубината, ограничение развода,— все то, что может быть истолковано как выражение «христианской нравственности». Сколь невысока была нравственность при византийском дворе, впрочем, хорошо известно; к тому же упрочение брачных связей могло иметь и другие причины, прежде всего спад той общественной жизни, которая делала в античности мужчину прежде всего гражданином. Но я опять-таки не вступаю с Хунгером в спор по существу (проблема слишком сложна для аннотации), а спешу только отметить, что другие типы микроструктур, как например ремесленная корпорация или сельская община, почти не затронуты в книге. И причина тому все та же — с ними не связать воздействие «христианского духа».

Монистический принцип, примененный Хунгером, оказывается односторонним, заставляет произвольно выделять одни стороны действительности, оставляя в тени другие. Впрочем, сам этот монистический принцип не проводится Хунгером последовательно, и в конкретном анализе он нередко ищет объяснение идеологических явлений в социально-политической жизни. Так, на стр. 324 автор отмечает различие философских систем Платона и Плотина и указывает на то, что мировоззрение императорского Рима III в. н. э. и классических Афин не могло быть одинаковым. «Политические функции ритора в эллинистических монархиях, равно как и позднее, в провинциях Римской империи, были иными, чем в перикловых Афинах», — читаем мы на стр. 335. Хунгер не раз оговаривает, что даже богословские споры велись не во имя одних только догматических расхождений (стр. 110), что религиозные лозунги были связаны со «скрытыми напряжениями» (стр. 137), что во время схизмы внешне чисто литургические противоречия скрывали под собой политические трения (стр. 142)...

¹ В этой связи существенно, что Хунгер несколько раз подчеркивает медленность процесса торжества христианства, силу языческих пережитков и вбирание христианством элементов язычества (например, стр. 111 и сл., 148, 177).

К сожалению, эти общественные противоречия, как правило, не становятся предметом анализа, а в некоторых случаях общественное содержание идейного движения попросту отвергается: так, Хунгер полемизирует с А. Гарнаком и его последователями, видевшими в анахоретстве форму протеста против обмирщения церкви, и объясняет уход в пустыню внутренним саморазвитием аскетического идеала (стр. 233 и сл.).

Что касается отдельных сторон византийской общественной и идейной жизни, то многие из них обрисованы в книге Хунгера с большим мастерством. Так, вслед за Э. Иванка Хунгер рассматривает учение Григория Нисского о сотворении мира как попытку преодолеть противоречие между неоплатонической теорией эманации и дуализмом (стр. 333); мысль эта весьма плодотворна и может многое объяснить не только в теологии Григория, но и вообще в принципах христианства — своеобразной религии «снятого дуализма». Очень удачно показан Хунгером церемониал императорского дворца и особенно связь культа василевса с религиозным культом (гл. II, §§ 3—4); крайне интересен анализ использования неоплатонического наследия в ареопагитике (гл. V, § 2). Остроумно трактуются отдельные памятники византийского искусства, напр., знаменитый ларец из Вероли (стр. 207 и сл.), в резьбе которого Хунгер усматривает ироническую трактовку материала.

В методике Хунгера примечательно еще и то, что он постоянно стремится отметить сложность и противоречивость действительности: непоследовательность законодательства Льва VI о рабах (стр. 168), противоречивое отношение Иоанна Златоуста к ристаниям, которые он проклинал, но образами которых пользовался постоянно (стр. 187 и сл.)...

При моделировании общества, существовавшего целое тысячелетие, его изменение во времени всегда порождает большие трудности. Хунгер не принадлежит к той группе западных византистов, которые — как И. Караяннопулос — отрицают наличие сколько-нибудь серьезных перемен в общественном строе империи. В частности, Хунгер со всей определенностью говорит о ряде новых явлений в жизни Византии в VII в. (стр. 349) и между прочим о том, что славянские вторжения привели к улучшению положения в деревне (стр. 166). Он признает, далее, существование «далеко зашедшей феодализации» к моменту латинского завоевания (стр. 30). Возникает вопрос, в какой мере оправдано включение в одну модель столь разнородных общественно-политических явлений, как универсально-средиземноморская держава Константина — Юстиниана и феодальные княжества, какими были Никейская «империя», Морея или, к примеру, обломки Ромейского царства при Мануиле II.

Книга Хунгера вызывает споры, но споры, сулящие быть плодотворными. Она будит мысль и помогает двигаться вперед.

А. К.

P. LEMERLE. THOMAS LE SLAVE.— «Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantines, Travaux et mémoires», I, 1965, p. 255—297

Так уже повелось, что новые работы французского византиста Поля Лемерля регулярно разбираются и анализируются на страницах «Византийского временника». Это не случайность: работы Лемерля отличают две особенности — смелость в постановке больших проблем и тщательность в анализе источников; он пересматривает традиционные представления, касающиеся не каких-либо второстепенных, но именно центральных эпизодов византийской истории; его рассуждения всегда плодотворны, если даже не всегда достаточно убедительны.

Задача рецензируемой статьи — пересмотреть все, что мы знаем о восстании Фомы Славянина, и взвесить, что является достоверным и что — сомнительным. Главное — оценка характера движения — содержится в конце статьи, и я поэтому позволю себе начать с конца, с главного. Прежде всего, Лемерль (на мой взгляд, убедительно) показывает, что движение Фомы не было религиозным, не носило «иконопочитательского» характера (стр. 294. Ср. стр. 263). Далее, он показывает, что у нас нет оснований считать восстание Фомы движением негреческих этнических групп (стр. 294 и сл.). После этого он переходит к проблеме социально-экономических корней восстания (стр. 296 и сл.). Методологический принцип сформулирован им следующим образом: «Разумеется, утверждать, что экономические и социальные факторы не играли никакой роли, было бы столь же дурным методом, как и объявлять их определяющими». Не будем поднимать в этой связи проблем философии истории: историки-марксисты придерживаются иных принципов, но, пожалуй, задача рецензии не в том, чтобы убедить Лемерля в их справедливости, а в том, чтобы понять ход его рассуждений. Итак, он говорит — теоретически — о социально-экономических явлениях как об *одном из факторов*, определяющих историческое развитие. А практически?

Практически же он стремится показать, что источники не содержат никаких сведений о социальной программе восстания, а то, что содержат — это лишь *lieux*